

A photograph of a rural landscape. In the foreground, there are lush green bushes and trees. In the middle ground, several houses with corrugated metal roofs are visible, partially obscured by the foliage. In the background, a dense forest of tall evergreen trees stretches across the horizon under a cloudy sky.

**Печать дьявола,
или
Тайны дачного поселка**

Арина Романова

Арина Романова
Печать дьявола, или
Тайны дачного поселка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43721496

SelfPub; 2022

Аннотация

В тихом дачном поселке происходит жестокое убийство. Убиты все члены семьи. Что это – банальное ограбление или страшная месть? Но кто может мстить этим милым и дружелюбным, по словам местных жителей, людям? За дело берется подмосковный следователь Тихонов, а помогает ему родственница пострадавших и по совместительству ярая поклонница таланта Агаты Кристи Арина Громова. Вместе они докопаются до правды.

Содержание

Пролог	4
Тайна первая. Убийство.	6
Тайна вторая. Подозреваемые.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Арина Романова

Печать дьявола, или Тайны дачного поселка

Пролог

– Валерка, Валерка! Да где ты там? Иди домой, тебе говорят! Ну, что ты будешь делать с этим оболтусом, а?

Ему снова приснилась мать. Во сне от нее пахло свежей выпечкой и парным молоком. Этот запах был знаком ему с детства. Ее белый фартук, в котором она готовила его любимые оладушки. А еще ее руки, такие большие и теплые, немного грубоватые от постоянной работы в поле, но такие родные и любимые. Еще приснились Мишка со Степкой, его закадычные друзья. Как они вместе ходили на рыбалку с самодельными удочками из ивняка и кормили своим уловом соседских кошек и свою Мурку. Приснилась сестренка Аленка. Вот она стоит посередине двора и плачет, прямо заливается, дуреха, а к ней со стороны амбара идет рогатый баран. В следующее мгновение Валерка подбегает к ней и закрывает ее маленькое хрупкое тельце, а потом хватается за хвостину и отгоняет барана обратно вглубь амбара, где у их овец загон. Аленка размазывает грязной ручонкой слезы по

щекам и благодарно ему улыбается. В ее глазах он теперь герой. А еще ему часто снится отец. Такой сильный и смелый, а главное – живой. Все живые. Но все это только во сне.

Это хорошие сны, а бывают еще и плохие. И их намного больше. Тогда он почти не спит, а лежит на топчане и смотрит в потолок или на решетку у окна. В такие ночи он боится закрывать глаза, потому что как только дрема его настигает, он сразу же слышит их крики. Такие душераздирающие и страшные, которые невозможно забыть. Они разрывают ему сердце на мелкие кусочки и соскребают с его души остатки той прежней, счастливой жизни. Ему хочется оглохнуть, только чтобы больше ничего этого не слышать, но он прекрасно понимает, что даже если ему отрежут уши, он все равно будет слышать эти вопли. Они теперь с ним навсегда. До самого конца.

Раздается скрип несмазанных дверных петель, и в дверном проеме появляется мужской силуэт.

– Пора, – говорит хриплый голос, и Валерка, нехотя, поднимается со своего ложа. Ему не хочется никуда идти, но это лучше, чем лежать здесь, в сыром подвале, и снова слышать эти ужасные крики...

Тайна первая. Убийство.

Внешность. Что такое внешность? Набор хромосом, передающийся по наследству от родителей детям. Мне всегда нравилось, когда дети чем-то похожи на своих родителей. У меня есть школьная подруга, с которой мы были очень дружны в детские годы. Сейчас она мать троих детей, и мы редко общаемся. Ее старший сын точная копия ее, даже тест ДНК делать не нужно. Ее второй сын точная копия ее мужа, одно лицо. Малахов со своей передачей про установление отцовства отдыхает. А вот с третьим ребенком вышла промашка. Во-первых, это девочка, что само по себе уже не вписывается в логическую цепочку. Первые же два были мальчики. Во-вторых, она не похожа ни на мать, ни на отца. Вот и думай, что хочешь. Так что, пожалуй, отказываться от услуг Малахова еще рано. Он еще очень может пригодиться.

Электричка тем временем равномерно покачивалась при движении. За окном мелькали знакомые подмосковные пейзажи – деревья, автозаправки, придорожные магазинчики.

Когда мы выехали за пределы города, картина изменилась. Стали появляться синие и желтые цветочки, создавая свои причудливые узоры на зеленом ковре травы, напоминая, что сейчас лето. По небу игриво бежали кучевые облака. Казалось, они соревнуются с электричкой, кто быстрее добежит. Пока счет был равный, но электричка старалась изо

всех сил победить. И, по-моему, в наш прогрессивный век информационных систем и нанотехнологий у нее были все шансы на успех. Однако облака упорно не сдавались и мчали за ней по пятам, не отставая ни на шаг.

На каждой станции в вагон заходили все новые и новые пассажиры, но я не обращала на них никакого внимания. Я видела только одного человека. Именно на него я устремила свой пытливый и любопытный взгляд. И хотя мама в детстве говорила мне, что нельзя так пристально рассматривать незнакомых людей, это невежливо, но я ничего не могла с собой поделать. Прямо напротив меня сидел паренек лет семнадцати-восемнадцати. На самом деле ничего в нем примечательного не было. Парень как парень, кроме одного. Он был как две капли воды похож на моего троюродного брата в юности, ну прям одно лицо. Нет, я, конечно, слышала, что у каждого из нас где-то во Вселенной существует свой двойник, при встрече с которым будет ощущение будто смотришься в зеркало, но чтобы вот так, в жизни встретить человека точь-в-точь как твой близкий родственник. Нет, такое со мной впервые. Поэтому я глаз не могла от него оторвать. Поначалу я еще пыталась смотреть куда-то в сторону, переводя взгляд с одного пассажира на другого, но подсознательно то и дело возвращалась к этому пареньку, которого мысленно уже окрестила Антошей (так звали моего вышеупомянутого брата).

Парень тоже заметил, что я его с любопытством разгля-

дываю и слегка смутился. Не знаю, чем бы все это закончилось, но электричка подъехала к очередной станции, и он вышел. Я с облегчением вздохнула. Теперь можно расслабиться. Больше никто из пассажиров не вызывал у меня никакого интереса и оставшаяся часть пути прошла тихо и мирно.

А ехала я на дачу. Правда, не на свою, а к двоюродной сестре. Она уже давно меня туда зазывала, но я каждый год находила какие-то отмазки: то работы много, то мама заболела и нельзя оставить ее одну, то еще что-нибудь. Как говорится, кто хочет – ищет возможности, кто не хочет – ищет причины.

А вот в этот раз вроде все были живы-здоровы и не было поводов, чтобы отказать, поэтому, выбрав погожий солнечный день, я отправилась на дачу. «Навещу родственников,купаюсь в речке, подышу свежим воздухом», – думала я. Если бы я тогда знала, чем все это обернется в дальнейшем, то, наверное, предпочла бы остаться дома. Хотя не думаю, что мое отсутствие как-то повлияло бы на ход событий.

Я вышла на нужной мне станции и огляделась. Зоя, моя двоюродная сестра, должна была меня встретить, по крайней мере, накануне мы с ней об этом договаривались. Я посмотрела на часы, еще раз огляделась и схватилась за телефон.

Как странно, еще несколько десятков лет назад, в моем детстве не было ни мобильных, ни Интернета. Современным детям даже невдомек, как это жить без смартфона. А мы жили и очень даже неплохо. Во время прогулок мы дей-

ствительно гуляли, бегали, играли в мяч, прыгали в резиночку, а не сидели подобно сегодняшним подросткам, каждый уткнувшись в экран своего смартфона. Вроде вместе и в то же время в отдельности. Зачем тогда встречаться, если можно сидеть по домам и переписываться в чате? Да, нашим детям реально не хватает живого общения. Иногда создается такое впечатление, что они уже рождаются с инструкцией по применению всех этих навороченных гаджетов и нанотехнологий. Еще и ложку в руках держать не умеют, а уже знают, какую кнопку на смартфоне надо нажать. В такие моменты вспоминается мое советское прошлое, когда мама на выходные уезжала в деревню, и мы раньше воскресенья не знали, как она добралась и все ли с ней в порядке. Все новости получали только по ее возвращении в воскресенье вечером и с упоением за ужином слушали ее рассказы, перебивая разными вопросами и не давая ей нормально поесть. Сейчас все по-другому. Стоит мне на пять минут где-нибудь задержаться, как мама тут же обрывает телефон в поисках меня. Собственно я делаю то же самое.

И вот сейчас, стоя одиноко на платформе, я звонила Зое, чтобы узнать, где она и почему меня никто не встречает, но телефон упорно молчал. Точнее гудки были, но отвечать на звонок никто не торопился.

На платформе было пусто, то есть совсем никого. Я снова огляделась. Такое ощущение, что я попала в другой мир, как будто случилась вселенская катастрофа и все вдруг внезапно

вымерли. Я попыталась вспомнить, выходил ли кто-либо из пассажиров со мной на этой станции.

«Странно», – подумала я, но тут же отогнала от себя плохие мысли. Надо думать позитивно. Поскольку мысли материализуются, чтобы привлечь в свою жизнь что-нибудь хорошее, нужно думать только о хорошем. Именно так учат нас американские психологи. Они рекомендуют почаще формулировать и произносить вслух или про себя так называемые аффирмации, позитивные установки, что в конечном счете положительным образом сказывается на стереотипе мышления. Я попыталась сосредоточиться на настоящем моменте и озвучить несколько аффирмаций, соответствующих данной ситуации.

«С Зоей все в порядке. Она просто забыла телефон, и он лежит где-нибудь в укромном уголке и разрывается от моих звонков. Я сейчас приду, и мы вместе посмеемся над этой ситуацией. Все хорошо».

Можно было, конечно, позвонить тете Тоне, Зоиной маме, но я не стала, она постоянно оставляла телефон в недоступных местах, о чем незамедлительно сообщал механический голос автоответчика.

Перспектива идти одной четыре километра по лесу не очень меня вдохновляла, но делать было нечего, и я отправилась в путь.

Дорога была асфальтированная. По обеим сторонам тянулись деревья, уходящие вглубь леса. Они создавали тень, от

которой делалось неудобно, и я порадовалась, что решила поехать днем, а не на ночь глядя. Идти здесь в сумерках, было бы совсем не комильфо. Хотя предполагалось, что меня встретят, а вдвоем, как известно веселее.

Пожалуй, сейчас, пока я в одиночестве бреду по лесу, самое время представиться и рассказать несколько слов о себе. Меня зовут Арина, мне 36 лет. Я не замужем. Детей нет. Звучит как ответы на вопросы анкеты.

На самом деле я не выгляжу на свой возраст, иногда мне и тридцать дают с большой натяжкой. Когда я работала преподавателем, меня это здорово раздражало. Только представьте, приходите вы на занятие и ожидаете, что сейчас в аудиторию войдет убеленный сединами мудрый старец, а вместо него прибегает этакая девочка-припевочка, правда в деловом строгом костюме, волосы аккуратно собраны в пучок, но каким костюмом и прической можно скрыть молодые годы. А первое впечатление чаще всего остается надолго и накладывает свой отпечаток на дальнейшее отношение. И хотя своим умом мне удавалось реабилитироваться, первые минуты общения с аудиторией давались очень не просто.

Сейчас, когда я не работаю, меня уже как-то не очень сильно беспокоит, выгляжу я моложе или старше своих лет.

Мои родные и знакомые удивляются, почему я в свои годы до сих пор не замужем и никогда не была. Встает логичный вопрос, чем я вообще занималась все это время. Ответ на редкость прозаичен: училась и работала, работала и училась.

Кстати, об учебе. У меня красный диплом. Не знаю, к чему я об этом сейчас вспомнила. Цвет диплома мне не особо пригодился в жизни. По крайней мере, это никак не отразилось на моих карьерных успехах. А учитывая, что я с некоторых пор не работаю, то и вовсе не заслуживает внимания.

Что касается работы, то как это часто бывает, мы не ценим то, что имеем и, лишь потеряв это, понимаем, как много оно для нас значило. Вот и я – была у меня работа и была. В принципе мне она нравилась, были, конечно, свои минусы, но, как говорится, где их нет. И только, когда меня сократили, я поняла, как много я потеряла. А учитывая, что мой возраст неумолимо приближается к критическому, то шансы найти хорошую работу с достойной зарплатой уменьшаются с каждым днем. Но, несмотря на все эти негативные моменты, я все же верю, что мне повезет. Повезло же мне поступить в вуз на бюджетное отделение с первой попытки и закончить его с пресловутым красным дипломом. Так почему же мне не может повезти сейчас, с работой. Короче, я верю в свою счастливую звезду. Как там у Пушкина, «товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена». Вот и я верю, что мои имена тоже когда-нибудь где-нибудь напишут (ну то, что их напишут в конце моей жизни во всем известном месте, в этом я даже не сомневаюсь).

Вдруг внезапно откуда-то сверху раздался резкий крик то

ли вороны, то ли еще какой птицы. В звенящей тишине леса он прозвучал как-то особенно зловеще. Я слегка поежилась и привычно огляделась по сторонам. Никого.

А тем временем впереди сквозь стволы деревьев показались дачные домики.

Дача моей сестры располагалась в живописном месте. Дачный поселок с трех сторон был окружен хвойным лесом, а с четвертой стороны к нему примыкала река. Вода в ней была проточная, а потому очень холодная. Даже в сильную жару вода не прогревалась выше 20 градусов. Но от этого она ничуть не проигрывала. Приятно было остудиться в ней после жаркого трудового дня на свежем воздухе.

А дел на даче, как известно, хватает. Сезон открывается косьбой травы и подготовкой грядок к посадкам. Потом надо еще дом в порядок привести, окна помыть, шторы постирать, пыль протереть. За зимний период столько всякой грязи собирается. И это несмотря на то, что дом стоит в экологически чистом районе закрытым и в нем почти полгода никто не живет.

Пыль, вот откуда она там берется? Ладно, в городе я понимаю, там воздух по определению грязный, в нем столько сажи, что страшно подумать о том, что у нас в легких творится. Стоит по весне помыть окно, как по прошествии нескольких дней на подоконнике уже скапливается серый слой какой-то непонятной пыли, а на стеклах появляются пятна от дождевых капель. И это учитывая, что окна моего дома выходят не

на оживленную магистраль, а вглубь двора.

Но на даче машин ведь не так много, свежий воздух кругом, лес, экология. Деревья должны поглощать углекислый газ и выделять чистый кислород. Так откуда же в загородном доме столько грязи и пыли? Разве что от земли, а еще пух от растений, одуванчики так всякие. Да, пыль повсюду, и в городе и за городом. Интересно, а в космосе тоже есть пыль?..

Итак, рассуждая о наличии пыли в нашей жизни и немного отвлекаясь от тревожных мыслей, я медленно, но верно приближалась к конечной цели своего маршрута. Выйдя из лесной полосы, я оказалась перед железными воротами, за которыми собственно и начинался дачный поселок. Он находился в низине, поэтому, стоя у ворот на возвышенности, я могла хорошо видеть дом своей сестры. На территории было безлюдно. «Странно», – подумала я уже второй раз за день. – «Куда все подевались?»

И только подходя к дому, я увидела как с противоположной стороны, там, где калитка в заборе ведет в сторону реки, появилась молодая девушка худощавого телосложения и со смуглой кожей. Одетая она была в топ от купальника и шорты. Я помахала ей рукой, на случай если она меня увидела. Это была Вика, моя крестница и Зоина дочка. Смуглая она была не сколько от загара, сколько от происхождения ее отца. Родом он был из Республики Конго. Вика была мулатка, но это ее ничуть не портило, а наоборот. Как известно от смешанных браков рождаются очень красивые дети. Вика

не была исключением. От отца она унаследовала цвет кожи, курчавость волос и возможно южный темперамент – она была слегка вспыльчива и немного упряма.

Итак, Вика меня увидела и тоже помахала мне в ответ.

– Арина, привет! – прокричала она и бросилась мне навстречу.

– Привет, красавица! Тебя можно поздравить с победой.

Вика всерьез занималась легкой атлетикой и несколько дней назад выиграла одиночный забег и командную эстафету по нашему округу.

– Можно, поздравляй! – заулыбалась она.

Мы обнялись.

– Я так рада за тебя. Где твой кавалер?

– Фу, Арина, – возмутилась Вика, – что за устаревшие словечки? Теперь это называется бойфренд.

– Мм, видимо от слова «бой», и вечный бой, покой вам только снится.

Мы дружно засмеялись.

– Мы с Егором только что на речке были. Он уже в дом вошел. Пойдем и мы.

– А мама дома? – спросила я. – Она обещала меня встретить, а теперь даже трубку не берет.

– Была дома, когда мы уходили. Наверное, закрутилась и забыла о времени. Ты же знаешь ее. Пойдем в дом, – предложила Вика.

Внутри царил тишина. На кухне никого не было и мне

это уже не понравилось. Не то что бы я что-то почувствовала, но как-то неприятно тоскливо стало на душе. Повсюду царил все та же звенящая тишина как в лесу, во время моей прогулки от станции. Неприятные мысли снова охватили мое сознание. Я попыталась тряхнуть головой, чтобы их отогнать уже в который раз, но как и тогда мало в этом преуспела.

Мы не пошли в гостиную, а сразу поднялись на второй этаж, в комнату Зои. Вика шла первая, я за ней. У нас под ногами печально поскрипывали половицы лестницы, как будто намекая, что нам не следует идти дальше, но мы к их мнению не прислушались, а следовало бы. Дверь в Зоину комнату оказалась открытой.

То, что мы увидели дальше, скорее походило на одну из сцен какого-нибудь американского триллера, их еще называют слэшерами. Там на протяжении всего фильма главных героев преследует маньяк с топором или бензопилой, оставляя повсюду кровавые следы и отрубленные конечности.

Конечностей в комнате не было, но посередине в луже застывшей крови лежало тело женщины. Ее лицо было накрыто чем-то вроде полотенца или какой-то тряпки. Однако, судя по одежде, которая на ней была, я поняла, что это моя сестра. Она как-то неестественно вывернула ноги, и сначала мне показалось, что она просто уснула, правда, непонятно, почему она лежит в крови. Лишь приглядевшись, я поняла, что она не дышит.

У меня внутри все похолодело, и слегка закружилась голова. В принципе я нормально переношу вид крови, если учесть, что я ее видела только в малых количествах. Но, по крайней мере, в процедурном кабинете во время сдачи анализов, когда медсестра подносит к моей руке шприц, я отворачиваюсь, чтобы не видеть подробностей, и поворачиваюсь обратно, когда прокол уже сделан и кровь плавно течет в шприц. Однако видеть кровь в таком количестве вживую мне еще не приходилось. Поэтому мне стало немного не по себе.

Вика то ли вскрикнула, то ли охнула и стала медленно оседать на пол возле двери. И только в этот момент я заметила, что в комнате есть кто-то еще. Возле тела, в луже крови на коленях стоял Егор. Он смотрел на свои окровавленные руки и, казалось, не верил тому, что видел.

На негнущихся ногах я вышла на лестницу. Все еще в шоке я спустилась вниз на первый этаж. На этот раз ступени своим скрипом не предупреждали меня ни о чем. Они поняли, что это бесполезно. Все страшное уже произошло. Мне надо было на воздух. Уже на крыльце, я вспомнила, что в гостиную мы так и не зашли. И почти зная или догадываясь, что я там увижу, я прошла по коридору и заглянула в гостиную.

Мои тетя и дядя были там. Тетя лежала на диване лицом вниз, дядя сидел в кресле, в руках пульт от телевизора. Но не это привлекло мое внимание и заставило сердце биться

еще сильнее, хотя оно и так уже готово было вырваться из груди. На полу темнело красноватое пятно.

Мне стало как-то совсем не хорошо, и я уже не выходила, а выбегала из дома на улицу. Во рту появился неприятный металлический привкус. Мне показалось, что и в воздухе присутствовало что-то такое, металлическое, как от переизбытка железа. Помню, у нас в деревне одно время были проблемы с водоснабжением, и из крана на кухне текла вода, насыщенная железом. Так невозможно было руки помыть, а про умыться я уже вообще молчу. Такой “аромат” стоял, что меня всегда подташнивало. Вот и сейчас эта вода из-под крана очень живо всплыла в моем подсознании и мне стало еще хуже.

«Это неправда, это все не по-настоящему», – крутилось у меня в голове как в карусели на аттракционе. – «Нет, этого не может быть. Я сейчас проснусь и все будет хорошо». Ну же, аффирмации, срабатывайте. Бесполезно. Никакие аффирмации, никакие психологи не помогут. Тем более американские.

Я зажмурилась, сделав очередную попытку. Но чуда не произошло. Когда я открыла глаза, меня так сильно замутило, что пришлось бежать за дом.

Рядом с розовыми кустами, которые так любила тетя Тоня, стояла бутылка с водой. Я открыла ее и полила себе на руки, потом умыла лицо. Надо было что-то делать. Я нашупала в кармане джинсов телефон и набрала 112.

А дальше все как в тумане. Какие-то люди в форме полицейских, вопросы, мои сбивчивые ответы, «скорая». В какой-то момент я отключилась.

***

Помню, когда я была маленькой, мы с папой часто ходили гулять за окружную дорогу в лес. Там рос орешник, и мы набирали полные карманы орехов, а, придя домой, кололи их и ели. Ничего вкуснее тех орехов из своего детства я не помню. Однажды мне попался испорченный орех. Я не заметила этого и разжевала его. Меня всю перекосило от этого мерзкого вкуса во рту.

Когда я очнулась в больнице, у меня было ощущение, что я съела как минимум ведро таких орехов. Я открыла глаза и осмотрелась. Около меня стояла медсестра в белом халате и поправляла капельницу.

– Где я? Что со мной? – неповорачивающимся языком пробормотала я.

– Я сейчас позову доктора, он вам все объяснит, – промолвила она и вышла из палаты.

«Должно быть, я уснула в электричке, электричка сошла с рельсов, и я попала в больницу», – успокаивала я себя безопасными мыслями.

В палату вошел мужчина средних лет с седыми висками. Он поздоровался и представился. Спросил, что я помню из последних событий. Я рассказала ему версию про электричку.

– То есть, что произошло на даче, вы не помните? – подытожил доктор.

Я на секунду задумалась.

– Вы хотите сказать, что все это правда? – я отрицательно замотала головой, как будто пытаюсь отогнать весь этот кошмар. – Нет, этого не может быть. Нет. Прошу вас, скажите, что это неправда, – взмолилась я.

– Мне очень жаль, – сочувственно произнес доктор.

Слезы полились из моих глаз ручьем. Доктор жестом позвал медсестру, чтобы она сделала мне укол.

– Это успокоительное, – пояснил он. – Сейчас вам станет полегче.

– А Вика, что с ней? – вдруг вспомнила я о крестнице. – Она в порядке?

– Ваша племянница? – уточнил доктор. – Она в палате интенсивной терапии. За ней там присмотрят. Видимо, от состояния шока она потеряла сознание. До сих пор в себя не приходила. Но может быть так даже лучше, в сложившихся обстоятельствах мы решили пока оставить ее в этом состоянии.

– Она в коме? – не веря своим ушам, переспросила я.

– Да, – кратко ответил доктор и спросил, – могу я еще что-то для вас сделать?

– Можно мне к ней?

– Медсестра проводит вас. Если у вас больше нет ко мне вопросов, то можете остаться до утра, а утром мы вас выпи-

шем. Но какое-то время постарайтесь избегать физических и психических нагрузок, по возможности.

С этими словами доктор удалился. Остаться здесь на ночь мне вовсе не хотелось, и я решила, что навещу Вику и поеду домой. Никаких физических нагрузок у меня в ближайшее время не предвиделось, а лежать на кровати и созерцать потолок я могу и дома. Что касается психических нагрузок, то думаю хуже, чем есть уже навряд ли будет.

Медсестра помогла мне подняться, хотя голова у меня уже не кружилась, и проводила меня в палату к Вике.

То, что я увидела, заставило мое сердце сжаться от боли. Загорелость Викиной кожи, подмеченная мной еще днем, сейчас куда-то безвозвратно подевалась. Наверное, такое сравнение нельзя применять по отношению к людям смешанной с африканцами расой, но она была бледна как полотно. Только темно-жгучие волосы выделялись на больничных простынях. Мне стало так жаль ее. Именно в этот момент я, кажется, начала верить в происходящее, еще до конца не осознавая, насколько это трагично. Меня охватила невообразимая паника. В один миг эта маленькая девочка потеряла все, всю свою семью, маму, бабушку и дедушку. Она осталась совсем одна, такая беззащитная и беспомощная. Слезы снова навернулись у меня на глаза. Наверное, действие успокоительного уже заканчивалось.

– Пойдемте, вам пора, – голос медсестры как будто выдернул меня из бездны.

– Я не вернусь в палату, – сквозь слезы произнесла я, – я ухожу домой.

Медсестра с пониманием кивнула.

– Тогда вам нужно подписать отказ. Это в ординаторской, пойдемте за мной.

Я послушно поплелась следом за ней.

Подписав все необходимые бумаги, я уже собралась к дверям.

– Вещи вашей племянницы, – сказала медсестра и протянула мне полиэтиленовый пакет.

Я на полном автомате взяла его и вышла в коридор. Это был тяжелый день, а мне предстоял не менее тяжелый вечер. Мне нужно было рассказать все маме, попытаться успокоить ее, если это возможно в данной ситуации, и сохранить спокойствие самой. И хотя это были не мамины близкие родственники, а папины, думаю, она все равно будет из-за них переживать. Никогда, никогда в жизни мне не было настолько тяжело и тошно.

***

Стоя у двери своей квартиры, я все еще не решалась нажать на кнопку звонка. Мама уже поняла из нашего телефонного разговора, что что-то произошло, и это что-то было не из разряда обычного. Я, как могла, подбирала слова, стараясь не усугублять ситуацию. «Все подробности дома», – кратко закончила я. И вот теперь я дома, но рассказывать о шокирующих подробностях, произошедших на даче, мне

совершенно не хотелось, хотя и умолчать о случившемся навряд ли получится.

Дрожащей рукой я нехотя потянулась к звонку. Дверь открылась практически сразу же. Обычно мама пока услышит звонок сквозь шум работающего телевизора, пока подойдет к двери, успевает пройти целая вечность. Я, как правило, звоню несколько раз подряд, пока она не откроет. А тут не успела я нажать на кнопку, как дверь распахнулась, словно по мановению волшебной палочки. Видимо, мне не удалось успокоить маму, и она и вправду встревожилась после нашего разговора и не отходила от окна в ожидании моего прихода.

– Арина, наконец-то, – взволнованно затараторила мама, открывая дверь и впуская меня внутрь. – Я места себе не нахожу. Уже не знаю что себе напридумывала.

– Мам, – устало произнесла я, снимая попутно босоножки и ставя их на коврик у двери. – Я же тебе сказала, что со мной все в порядке. Я жива и здорова.

– Жива и здорова, – передразнила меня мама. – Живые и здоровые в больницу не попадают.

– Мам, в больницу попала не я, а Вика. Я просто поехала вместе с ней, – слукавила я, все еще надеясь обойти неприятную тему.

– Господи, а с Викой-то что? – ахнула мама. – И почему с ней поехала ты, а не Зоя? Ты вообще собиралась там отдыхать, а не по больницам ездить.

– Мам, давай присядем, – участливо предложила я, поняв, что правды избежать не удастся.

– Зачем? – удивилась мама, все еще не понимая, что происходит, но согласилась пройти со мной в комнату.

В нашей квартире две комнаты: маленькая – моя, большая – мамина. В моей комнате напротив двери стоит диван, на котором я сплю. На стенах висят картины. Я сама вышивала их в разные года своей рабочей жизни, чтобы немного отвлечься как раз от этой самой работы. На подоконнике стоят горшки с цветами. Я люблю выращивать комнатные растения. Комната без растений кажется мне какой-то голой и не живой, что ли, а зелень на окне немного освежает общий вид. Хотя кому-то по душе больше другая “зелень” и вовсе не на окне, а в кошельке. Но, как говорится, каждому свое.

Мамина комната по совместительству еще и гостиная. В ней больше пространства. Мы там собираемся, когда к нам приходят гости. У одной стены, как раз напротив двери, стоит стенка из шкафов, ящиков и серванта, где мы храним белье и красивую посуду, которую достаем к приходу гостей. У противоположной стены разместился диван, на котором спит мама, а посередине комнаты стоит большой стол, накрытый скатертью.

Именно сидя за этим столом, я и поведала маме всю печальную историю, свидетелем которой мне пришлось стать на даче.

Мама охала и ахала и поминутно хваталась за сердце весь

мой рассказ, но надо отдать ей должное, ни разу меня не перебила, выслушав мое повествование до конца. Естественно я опустила кровавые подробности, сухо описав только имевшиеся факты. Незачем маме в ее преклонном возрасте знать такие жуткие детали.

И когда я наконец закончила, в комнате воцарилась полная тишина. Казалось, даже соседи за стенкой как-то подозрительно притихли. И вдруг в этой самой ни на что не похожей тишине, раздались тихие шуршащие шаги и скрип двери предупредил о том, что кто-то вот-вот войдет в комнату. Я замерла и медленно повернула голову в сторону открывающейся двери. В комнату деловито вошла большая серая птица и молча уставилась на нас с мамой. Я уже хотела было удивиться, но потом вспомнила, что это же мой попугай жако.

– Лева, тебе чего надо? У нас такое горе, такое горе, – запричитала мама, обращаясь к серому существу на полу.

Лева деловито молчал и внимательно нас оглядывал, а потом сделал несколько шагов в нашу сторону.

– Гооре, гооре! Мир бездооонный, – затянул попугай голосом Юрия Антонова, плавно скользя по полу.

– Лева, замолчи, – цыкнула я на этого доморощенного певца. – Что ты несешь? У нас и правда беда, а тебе все лишь бы песенки петь.

– Нам песня строить и жить помогает! – более энергично провозгласил пернатый товарищ и начал пританцовывать в такт песне.

Мама отвернулась от действия на полу и, всхлипнув пару раз, потянулась за бумажным платком, чтобы вытереть слезы.

– Может быть, ты что-то не так поняла? – с надеждой в голосе спросила она, обращаясь ко мне. – Может, тебе показалось?

– Нет, мам, не показалось, и я все правильно поняла. Врач в больнице подтвердил. Их больше нет, а Вика в коме, – я шмыгнула носом и тоже взяла бумажный платок.

– Никого не будет в доме, – вкрадчиво и почти шепотом произнес наш певец, – кроме сумерек один зииимний день в сквозном проеме незадернутых картин, не задернутых картин.

Ну, насчет картин, это он, пожалуй, слегка приврал, а вот по поводу всего остального не могу не согласиться.

Многие осудят меня за столь ироничное описание достаточно печальных событий, но в данном случае это лишь защитная реакция на весь тот стресс, что я пережила за последние несколько часов.

– Да, Лева, – глотая ком в горле, тоже шепотом произнесла я, – в том доме уже и правда никого не будет. Иди сюда, – и рукой постучала по столу, приглашая попугая присоединиться к нашей скорби.

Дважды просить не пришлось. Выступать внизу не очень удобно, гораздо приятнее быть на одном уровне со своими благодарными зрителями, и Лева охотно приземлился рядом

с моим левым локтем на столе. Он снова деловито прошелся взад-вперед и, остановившись прямо в центре стола, пристально посмотрел на нас с мамой. Убедившись, что мы готовы к его новому исполнению, выпрямился и затянул очередную песню, как обычно, слегка перевирая текст.

– Я туучи разгонююу рукааами и в прошлое закрою дверь. Я спрячусь за семью замкааами, ты не найдешь меня теперь.

Я раньше думала, откуда у моего попугая такой разнообразный репертуар, ведь я с ним только разговариваю, но никак не пою. Петь я вообще не очень люблю, только когда я одна дома, и то, в зависимости от настроения. Папа как-то между прочим однажды сказал, что у меня нет голоса, и это замечание, произнесенное вскользь, запомнилось мне надолго. Папы уже давно нет и никто меня не одернет, но петь мне по-прежнему не очень хочется.

А вот Лева, наоборот, очень любит петь (непонятно, в кого это он). Иногда его песенки бывают к месту. Не знаю, как он это делает, но факт остается фактом. Мне даже кажется, что у него в памяти, как в тетрадке, есть целый перечень песен на все случаи жизни, как это бывает у людей, которые всегда рассказывают анекдоты точно в тему.

Мама тоже редко поет, хотя на нее иногда находит соответствующее настроение, и она любит что-то подмурлыкивать себе под нос во время готовки или перемещаясь по квартире. Гораздо чаще она слушает радио. Вот именно от-

туда, видимо, Лева и нахватался этой “попсы”. Сидит около радиоприемника целый день и впитывает хиты советской и российской эстрады, а потом при случае выдает нам свой разнообразный репертуар.

Спать в тот день мы легли далеко за полночь, наглотававшись всевозможных валерианок и корвалолов. Мой сон был беспокойным. Всю ночь мне снился Егор, который бегал по дому с топором в руках и кричал: «Это не я, я этого не делал». Наверное, надо было поверить ему на слово, но я не могла произнести ни слова, поэтому он продолжал преследовать меня вплоть до самого утра.

Тайна вторая. Подозреваемые.

Проснулась я с первыми лучами солнца и с воплями своего любимого попугая, который спозаранку пришел рассказать мне о том, что утро уже доброе. Иногда я начинаю жалеть, что в свое время остановила выбор именно на попугае, а не на коте, например. Хотя, говорят, что с котами не легче. Они тоже, будь здоров как, достают своих хозяев особенно по ночам и по утрам тоже. Короче говоря, надо было завести черепаху: экономно и удобно. Вроде какая-то живность в квартире есть и в то же время никого не напрягает.

Сразу после завтрака я отправилась в больницу к Вике, в надежде получить хоть какие-нибудь утешительные новости. Однако, там меня ждал не очень приятный сюрприз.

– Арина Михайловна, – позвала меня медсестра, когда я уже почти зашла в Викину палату, – с вами хочет поговорить следователь.

– Кто? – с удивлением переспросила я.

Хотя это было вполне логично. Произошло преступление. Его надо расследовать. А учитывая, что я оказалась на месте его совершения одной из первых, то являюсь важным свидетелем, поэтому естественно было бы меня допросить. Странно, что это не пришло мне в голову раньше. Хотя вчера мне казалось, что меня уже допрашивали. По крайней мере, я смутно помню, что мне задавали какие-то вопросы, и я даже

вроде на них что-то отвечала.

Медсестра подвела меня к двери с табличкой «Заведующий отделением» и со словами «Вас там ждут» куда-то испарилась. Я вежливо постучала и вошла.

За столом прямо напротив двери спиной к окну сидел мужчина средних лет. Он был одет в рубашку с короткими рукавами, из которых были видны загорелые руки.

Когда я вошла, он пристально посмотрел на меня. От этого взгляда мне стало как-то не по себе.

– Громова Арина Михайловна? – то ли спросил, то ли констатировал он. По интонации было не очень понятно.

– Да, – согласилась я, на случай если это все-таки был вопрос.

– Тихонов моя фамилия, Юрий Иванович, следователь районного ОВД, – представился он. – Присаживайтесь, у меня к вам несколько вопросов.

– Ну, надо же, – изумилась я, подходя к столу и присаживаясь на любезно предоставленный стул.

– Что вы имеете в виду? – не понял следователь.

– Ну как же, вы сказали, что вы Тихонов.

– Да и что же?

– Вы Тихонов, я Громова. Как противоположности, слова-антонимы.

Следователь снова пристально на меня посмотрел, как будто раздумывая, вызвать психиатра сейчас или подождать, что будет дальше. При этом он ни разу не моргнул. Мне ста-

ло еще хуже. Я сглотнула, поняв, что сболтнула лишнего.

– Простите, – пролепетала я. – Я филолог по образованию, поэтому обращаю внимание на всякие интересные особенности речи. – И немного подумав, добавила. – Впрочем, это неважно. Наверное, это еще шок. Никак не могу в себя прийти после случившегося.

– Понимаю, – согласился следователь, и наконец-то моргнул.

Слава Богу, мне заметно полегчало.

– Итак, вернемся к вчерашнему дню, – продолжил он. – В котором часу вы приехали на дачу?

– Мм, где-то около трех, – неуверенно сказала я.

Я задумалась. Надо было заранее подготовиться, ведь знала же, что будут допрашивать.

– Да, точно, электричка пришла в два, плюс минус пять минут. Я позвонила сестре, она не ответила, и я пошла к поселку одна, пешком. И где-то около трех, может, чуть позже, я и добралась до дома. По пути никого не встретила, – на всякий случай, забегая вперед, уточнила я.

– Хорошо, – Тихонов что-то записал в блокнот. – И что же было дальше?

– Дальше я подошла к дому, увидела Вику, она только что вернулась с Егором с пляжа, и мы пошли в дом.

– Стоп, – Тихонов резко остановил меня. – Вы видели Егора, когда подошли к дому?

– Нет, я же говорю вам, я увидела Вику. Она сказала, что

они с Егором только что были на речке. Егор уже зашел в дом, и мы пошли следом за ним.

– То есть самого Егора вы не видели? – уточнил следователь.

Мне почему-то вспомнились многочисленные анекдоты про военных, где им по десять раз нужно повторять одно и то же, и я вдруг подумала, а так ли уж выдуманы все эти истории, или они основаны, как говорится, на реальных событиях.

– Нет, самого Егора я не видела, но ведь Вика сказала, – начала было я, но тут же запнулась, встретившись взглядом с Тихоновым. – Я не понимаю, к чему вы клоните. Вы, что, хотите сказать, что он не ходил на речку? Но зачем Вике мне врать? Не понимаю.

– Разберемся, – отрезал Тихонов, – а вы продолжайте. Что было дальше?

– Мы зашли в дом и поднялись на второй этаж.

– Вы не заметили ничего подозрительного по дороге?

– Нет, а что там могло быть подозрительного? Дом как дом. Хотя, – я снова задумалась, пытаюсь припомнить свои ощущения.

– Хотя? – нетерпеливо переспросил следователь.

– Там было очень тихо. Ну, то есть, понимаете, совсем тихо, никаких звуков, как будто никого нет. Когда дома люди, они что-то делают, смотрят телевизор, разговаривают, шуршат газетами, гремят тарелками, а тут было совсем тихо, ни

единого звука. Я тогда подумала, как странно.

– Понятно, – Тихонов сделал очередную пометку в блокноте. – Продолжайте.

– Мы поднялись наверх.

– Почему? – перебил он меня.

– Что почему, – не поняла я.

– Почему вы сразу пошли наверх, а не зашли сначала в гостиную, например?

– Не знаю. Вика повела меня наверх, она шла впереди, я за ней. Не знаю, почему. Может, потому что я спросила ее, где Зоя. Сказала, что не могу до нее дозвониться, а Зоина комната наверху, вот мы и поднялись наверх. Про гостиную я даже не подумала. Было так тихо, и я, наверное, решила, что там никого нет. Зачем туда заходить.

– Так, понятно. Что было наверху? Что вы увидели, когда открыли дверь в комнату?

– Мы ее не открывали. Дверь уже была открыта. Там же был Егор. Он ее и открыл, наверное. А когда мы поднялись, он стоял у тела Зои, она лежала на полу, вся в крови.

Тут я запнулась. У меня слегка закружилась голова и снова замутило. Опять перед глазами встала эта картина как из фильма ужасов.

– Вам плохо? – забеспокоился Тихонов. – Может, воды?

Он пододвинул ко мне стакан с водой, а сам подошел к окну и еще немного его приоткрыл. Свежий воздух и глоток прохладной воды пошли мне на пользу. Кажется, дурнота от-

ступила.

– Скажите, а в каких отношениях Егор был с вашими родственниками? – следователь попытался переключить мое внимание.

– В нормальных, – я даже растерялась от неожиданности вопроса. – Он очень любит Вику. Заботится о ней. И с Зоей у него очень хорошие отношения. Он часто бывает у них дома. Он со всеми хорошо ладит. Очень приятный парень.

Мне не понравился взгляд Тихонова, и я спросила:

– А к чему вы это про отношения? Вы что, думаете это Егор их?

По молчанию следователя я поняла, что именно так он и думает.

– Вы это серьезно? – возмутилась я. – Вы что, и вправду полагаете, что этот парень пришел после пляжа в дом, уколошил трех человек, вот так запросто, а потом просто остался на месте преступления, дожидаться нашего прихода, и даже не попытался скрыться.

– Ну, знаете, в моей практике еще и не такое бывало, – ничуть не смутившись своему дикому предположению, произнес Тихонов.

– Нет, это полный бред. Такого просто не может быть. А скажите тогда на милость, почему он не расправился с Викторией и со мной. Пожалел что ли. Мы-то ему зачем понадобились? Живые свидетели.

– А вот с этим как раз и будем разбираться. Что было по-

сле того, как вы обнаружили тело Зои Анатольевны?

Я подробно, насколько это было возможно, описала все свои дальнейшие перемещения и действия. Я все еще была в шоке от нелепого на мой взгляд предположения следователя о причастности Егора к этому ужасу. Поэтому следующий вопрос еще больше выбил меня из колеи.

– А где сейчас находится Николас Лоран? Почему его не было с вами на даче?

Я удивленно посмотрела на следователя Тихонова.

– Кто?

– Николас Лоран, – повторил следователь. – Ваш двоюродный племянник и родной брат Виктории Лоран.

Господи, в этой суматохе я совсем забыла про Ника. Он ведь еще ничего не знает, ни про маму, ни про Вику, ни про остальных. Какой ужас! Бедный мальчик! И самое ужасное, что рассказать ему обо всем придется мне.

– Ник сейчас на сборах, – продолжила я, когда немного пришла в себя. – Он учится на четвертом курсе в архитектурном колледже, и два раза в год они с группой ездят на сборы в поход: осенью где-то в сентябре-октябре и весной в апреле-мае.

– Да, но сейчас не осень и не весна, – возразил Тихонов и выжидательно посмотрел на меня.

– В этом году что-то случилось со спонсором, то ли он передумал, то ли сначала передумал, а потом все же согласился, короче говоря, поход перенесли на лето.

– Ладно, разберемся, – вроде он принял мое сбивчивое объяснение. – Вы уже сообщили ему о случившемся?

– Нет еще. Я ему пока не звонила.

– Позвоните и попросите подъехать в отделение, я дам вам адрес. С ним мне тоже хотелось бы пообщаться.

Я не стала уточнять, зачем, ведь Ника даже поблизости не было. Одно понятно: у этого Тихонова все на подозрении, но от Егора он так просто не отцепится.

– Да и еще, – добавил Тихонов напоследок, – вам нужно будет подъехать в морг на опознание. Сможете или попросить кого-то другого из ваших родственников?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.